

Руслана Ляшева

Литературный критик, прозаик, публицист.
Родилась 6 июня 1943 года в г. Петропавловске (Северо-Казахстанская обл.).

После школы она работала сварщицей на Запсибе в Новокузнецке и там же напечатала первые рассказы.

Закончила факультет журналистики МГУ и аспирантуру Литературного института. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

Свои работы публиковала в журнале «Огни Кузбасса», в альманахе «Кузнецкая крепость», в коллективных сборниках и журналах «Московский вестник», «Литературное обозрение», «Библиополе», «Литрос», «Сихоте-Алинь», в еженедельнике «Литературная Россия», в газетах «Завтра», «День литературы». Публикуется также в журналах «Аврора», «Литературный меридиан», «Наследник», «РФ сегодня», «Нива» и др.

Руслана Петровна Ляшева – автор статей об Александре Проханове, Михаиле Угарове, Лидии Сычевой и многих других известных российских литераторах. Много пишет и о нестоличных литературных изданиях.

Живёт в Москве.

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ДУХ

Проза Владимира Неунывахина

В книгах новокузнецкого прозаика Владимира Максимовича Неунывахина (*Собрание сочинений в четырёх томах. Кемерово, 2013*) я нашла такое обилие информации о природе, о реках и лесах и их шустрых обитателях, что без колебаний согласилась с его земляками, зачисливших автора рассказов об охоте и рыбалке в отряд писателей-натуралистов.

Его живым контактам с «братьями нашими меньшими» мы, горожане, можем позавидовать.

Неунывахин обстоятельно живописует птиц, зверей и рыб, бросая мимоходом реплики об их повадках, привычках, а то и хитростях.

«Когда я научился насаживать червяка на крючок и набрался силёнок держать удилице в руках, – вспоминает прозаик о первых шажочках на славном поприще, – отец начал брать меня с собой на Томь, вдоль которой широко раскинулся наш посёлок Абагур-Лесной, и её приток – реку Кондому, на близлежащие озера Малиновое, Тогул, Чёрное, где мы таскали ельчиков, пескарей, окушков, карасишек и другую мелюзгу. Но особенно любил отец рыбачить на Верном озере, хорошо там брала на хлеб сорожка. У него даже были прикормленные места на этом чудном водоёме. Да, озеро было действительно красивым»...

Вот деталь, вроде побочная в рассказе «Ночная рыбалка», но много поведавшая о жизни сурка:

«Пирог с налимом у матери получился обалденным, и мы с Толяном, смакуя, чуть

(Печатается с сокращениями)

языки не проглотили от вкуснятины. Вылезали из-за стола, как сурки, обожравшиеся сладким горошком»...

Репортаж Неувывахина об играх таймена по страсти не уступает комментариям спортивного обозревателя со стадиона:

«Таймень любит охотиться на подрастающую молодь на восходе и закате солнца. А на охотившись вдосталь, начинает играть. И надо видеть такие игры. Выпрыгивает этакое серебристое чудо под пять кило из стремительного потока и, сделав красивый кульбит в воздухе, так жახнет хвостом по воде... Брызги фонтаном... Обалденно! Дух захватывает!.. В общем, словами не передать. Или вдруг начнёт носиться по стремнине, как глиссер, пурпурные плавники едва-едва касаются поверхности воды, а хвост туда-сюда, туда-сюда... Полюбуйтесь, мол, какой я молодец-красавец!.. И действительно – картина потрясная... Залюбуешься. Сколько мощи, страсти и изящества в упругом и гибком теле крупной рыбины!

Смотришь, а сердце в груди – будто кто в барабан бьёт: бух! бух! И азарт по всему телу жаром разливается – вот бы этого игруна заловить»...

Однако, попытки поймать «игруна» у автора успехом не увенчались. Старик-шорец, наблюдавший на бережку за тщетными поползновениями, посоветовал: «Твоя зря силы тратит. Она очень хитрый. Твоя нервы дразнит.

Крушать совсем не хочет. Вечером приходи. На закате. Если не сбежит на другой перелёт, может возьмёт»...

То есть возьмёт блесну на спиннинге. А сытый таймень играет: гонится-гонится за блесной, но перед берегом вильнёт хвостом и лениво уходит на глубину («стервец»)..

Вот просто готовая рекомендация туристам – не искать красоты «за бугром»:

«Посёлок Усть-Кабырза потому и называется так, что расположен как раз в устье реки Кабырзы, впадающей в Мрассу. Посёлок разделён на две почти равные части: одна, где в основном проживают шорцы, вольготно раскинулась по правому берегу Кабырзы (здесь располагалось хозяйство коопзверопромхоза); вторая – вотчина лаготделения, занимавшегося заготовкой и сплавом леса, кучно занимала левый берег Мрассу».

«Если подняться в верховья под самые водопады и пороги и спускаться оттуда ранним утром на плоту или резиновой лодке, отдавшись воле течения, можно увидеть очень много интересного, чего никогда не увидишь даже в зоопарке.

Увидишь отдыхающую рысь, распластавшуюся на стволе склонившейся над водой старой берёзы... Обязательно полюбуйтесь на перекате игрой насытившегося тайменя, а то и спугнёшь на песчаной косе отяжелевшего глухаря, набившего зоб острыми камешками. Неохотно уступит дорогу, сердито поглядывая в твою сторону, лось. Отряхиваясь всем мощным телом и недовольно фыркая, будет смотреть тебе вслед, пока ты не скроешься за поворотом.

СOLIDНУЮ дозу адреналина в крови получишь, столкнувшись нос к носу с купающимся семейством медведицы. Они, конечно, уступят тебе дорогу, но холодные мурашки между лопаток будешь ощущать ещё долго после неожиданной встречи».

И так далее.

Цитатами всего не перескажешь. Каждый рассказ о глухарях – настоящая поэма в прозе: «Косачи», «Ток у лежневки», «Под глухариною песню» и другие.

«Не отношу себя к охотникам-профессионалам, – напрасно скромничает Неунывахин. – Я просто страстный любитель побродить с ружьём по таёжным тропам и болотам и очень люблю посидеть в скрадке на озере с утиным манком в руках. Но и я с огромным трепетом

ждал, когда окончательно потеплеет, и глухари, пьянея от весеннего дурмана, слетятся на свои тайные, только им известные, тока помериться с соперниками силой и красотой, щегольнуть этими качествами перед своими подружками-глухарочками».

Три раздела тома озаглавлены: «По тропкам отчего края», «Незабываемый Север дальний» и «Байки у охотничьего костра» (*вот уж где Жизнерадостный юмор!*).

Такую прозу и бывалому охотнику читать будет интересно. О чем, дескать, толкует? Не позаимствовать ли приёмы охоты и рыбной ловли? О нас, «дремучих» горожанах и говорить нечего!

Тема природы для размышляющего человека безгранична. Встретив в рассказе об охоте слова «проселочная дорога» (*том 2, стр. 37*), я вспомнила о книге философа Мартина Хайдеггера «Разговор на проселочной дороге» (*Избранные*

статьи позднего периода творчества. М., «Высшая школа», 1991) и подумала, что немецкий философ (самый крупный в XX веке) и писатель-сибиряк не случайно «встретились» на проселочной дороге. Если справедлив афоризм Хайдеггера, что философия и поэзия говорят одно и то же, значит немецкий мыслитель и русский прозаик шли по проселку навстречу друг другу – от теории и от поэзии природы...

Основная задача философии, наставляя Хайдеггер студентов и слушателей, свернуть с ошибочного пути западной цивилизации и вернуться к забытым истокам мышления, к подлинному Бытию. Вернуться к укоренённости в родной природе. К родной почве!..

Владимиру Неунывахину не надо возвращаться. Он с родной почвы не уходил.

Первый раздел во 2-м томе так и называется – «По тропкам отчего края». Сибиряк, писатель-натуралист органично укоренён в родной природе. Второй том надо бы издать тиражом не 300 экземпляров, а 300 тысяч или миллион. В советское время такие тиражи были не редкость. Восстановить бы замечательную традицию!

Почва, родная природа сохраняет в человеке способность к размышлению, что очень важно, ибо «человек – это мыслящее, т.е. осмысляющее существо» (*М. Хайдеггер*). Ещё древние греки заметили, что великан Антей, прислоняясь к Гее, матери-земле, восстанавливал силы. Хайдеггер порицает греков кое за что, но их

мудростью не пренебрегает. Человек, размышляя, наставляет немецкий философ, открывает для себя мир. Открывает сущее.

Получается, писатель Неумывахин закрепляет человека в природе, в мире, обнаруживая у охотников и рыбаков горячие, страстные эмоции. Человек у него возвращается к самому себе – к органичному, «осмысляющему существу». Он читателей ведёт на встречу с Мартином Хайдеггером. Пусть-пусть горожанин стряхнет пыль с ушей и освободит их от лапши, которую навешала городская цивилизация!..

Увы, это ещё не всё о природе.

Охотники, часто и подолгу пребывая на природе, замечают перемены в ней не всегда в лучшую сторону. Порой говорят, без человека и его разрушительной деятельности природа быстро восстанавливается. Я засомневалась...

Наверное, природа и человек во взаимодействиях создают симбиоз. Без человека пашни деградируют. Ещё страшнее деятельность человека-хищника, для которого природа – бензоколонка. Или равнодушного.

«Чёрное озеро» Неумывахина завершается грустным финалом:

«Не так давно я посетил Чёрное озеро и не узнал его. Испоганили прекрасный водоём. Строили новую железнодорожную ветку и не придумали ничего лучшего, как отсыпать её полотном наискосок через середину озера, по живому расположили водную гладь огромной насыпью.

Не растут и не цветут сегодня на оставшихся обрезках озера жёлтые кувшинки и бело-снежные лилии, у берега расплозились масляные пятна, плавает всякий мусор, пластиковые бутылки из-под пива и других напитков.

Смотрел я на остатки озера – и сердце кровью обливалось: так безжалостно загубили природную красоту, не захотели отклониться на пятнадцать метров в сторону. Скоро дорубим сук, на котором сидим...»

... Углубившись в чтение, я размышляла: в чём особенность и своеобразие прозы Владимира Неумывахина?

Взгляд скользнул по книжной полке и задержался на названии: «Поэзия. Московская организация Союза писателей России». Взяла книгу и открыла: «Литературно-художественный журнал», № 1 (18). Москва, 2003. Под рубрикой «Концепция» – небольшая статья Владимира Гусева «О тайнах прямого стиля»...

В статье концепция выглядит убедительно. Из современной ситуации, когда стихи «пишут все и пишут хорошо», Гусев видит выход в выборе критерия оценки стихотворения: можно «отделить Поэтов от множества непоэтов или

плохих поэтов». Критериев несколько: тематика (о Родине или о любви), взвинченный метафоризм (неестественность), виртуозность техники стиха (чем её больше, тем дальше от истинной поэзии). Совет дан простой: «Будьте самими собой».

Вот, значит, что такое прямой стиль!

После концепции Владимира Гусева всё внимание вернулось к прозе Владимира Неумывахина. Да у него же прямой стиль! Только в прозе. Повествование идёт от автора: хотя одни рассказы похожи на очерки, другие имеют сложную интригу, но авторская интонация (собеседование) сохраняется.

А темы – взять, допустим, первый том – непростые: «Колесо историй», «Несладкое детство», «Военное и послевоенное лихолетье», «Избранное». Жанры – мелкие, но это эпос.

Прямой стиль, интонация объединяет мозаику в картину жизни народа. Масштабного сюжета нет, но по силе воздействия на читателя – эпопея. Мы видим русский народ и тюркские народы (шорцы, хакасы и другие), населяющие Кузбасс.

Повесть «А помнишь, Витёк?..» нанизывает на воспоминания множество эпизодов из народного быта – строительство церкви, проказы мальчишек, семейные заботы и горести и т.д.

У психологов, сторонников Зигмунда Фрейда, коллективное сознание («Оно») существует как бессознательное. У Владимира Неумывахина коллективное народное мироощущение осознаётся каждым человеком, оно и держит на плаву в годину лихолетья.

В посёлке Абагур все знакомы, все на равных, нет нынешнего расслоения на «крутых» и нищих. Народный коллектив! Пожалуй, каждый читатель, открыв повесть, вспоминал своё детство, как бы вновь окунаясь в народную толпу.

«Сколько помню, – разворачивает панораму жизни поселка автор, – до пятидесятих годов мало кто из жителей нашего посёлка занимался садоводством, считали это дело в сибирских краях бесперспективным и ничемным. Если кто-то из соседей вдруг начинал выкапывать в лесу кусты малины, кислицы (красной смородины) и сажил их у себя на огороде вдоль забора, на него смотрели как на чудака. А уж тех, кто всерьёз принимался за посадку саженцев яблонь, груш, крыжовника или пробовал прививать к ранеткам-дичкам какие-нибудь полукультурки, можно было по пальцам пересчитать.

На весь поселок насчитывалось не более трёх-четырёх садовых участков с плодовыми деревьями, многие из которых, чтобы не вымерзли в зимнюю стужу, пригибались к земле

и с наступлением холодов тщательно укрывались хозяевами подсобным материалом.

Один из таких приусадебных садов принадлежал Вере Степановне... это главврач нашей поселковой больницы... Второй сад принадлежал родителям Виктора Пономарёва, Героя Советского Союза, получившего это звание в январе 1944 года в 19 лет за подвиг, совершённый при восстановлении связи на передовой... А мы, пацанва, регулярно совершая набеги на огороды наиболее зажиточных поселян, никогда не делали попыток «пошерстить» сады Веры Степановны и Пономаревых... И у нас было уважение к заслуженным людям поселка».

И так далее, в такой же интонации повествования. Читаешь, не отрываясь, будто своё детство вспоминаешь. Вот что значит прямой стиль в прозе.

На ум приходят строки Фёдора Тютчева:

**Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Ещё она не перешла порогу,
Но дом её уж пуст и гол стоит...
Ещё она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу!
В последний раз вы молитесь теперь.**

(16 сентября 1834 г.)

На такую ситуацию христианских «модернистов» (*протестантов и лютеран*) похоже положение современных постмодернистов в нашей литературе. Вот и «храмина» постмодернистов, их «дом» пуст и гол стоит... А как шумели эти пародисты, стилизаторы, сотрясали основ эстетики в 80-ые и в 90-ые годы! Года минули, страсти хоть и не улеглись, но всё же стало очевидно, к чему стремились бунтари и к каким результатам пришли...

Прошла мода на постмодернизм. А реализм – традиционный или «новый реализм» – живёт и развивается.

... Часто всплывает на слуху афоризм императора Александра Третьего, что у России два союзника – армия и флот. По правде говоря, у России четыре союзника – родная природа, народ, армия и флот!

К такому пониманию приходишь, читая рассказы Владимира Неунывахина о детстве в сибирской «глубинке», об охоте и рыбалке.

Непроизвольно тянешься к повести «Детство» Л. Толстого и улыбаешься сходству эмоций у юных охотников в XIX-м и в XX-м веках.

Выразительна сцена охоты у Толстого:

«Вдруг Жиган завыл и рванулся с такой силой, что я чуть было не упал. Я оглянулся. На опушке леса, приложив одно ухо и приподняв другое, перепрыгивал заяц. Кровь ударила мне в голову, и я всё забыл в эту минуту: закричал что-то неистовым голосом, пустил собаку и бросился бежать. Но не успел я этого сделать, как уже стал раскаиваться: заяц присел, сделал прыжок, и больше я его не видал.

Но каков был мой стыд, когда вслед за гончими, которые в голос вывели на опушку, из-за кустов показался Турка! Он видел мою ошибку (которая состояла в том, что я не выдержал) и, презрительно взглянув на меня, сказал только: «Эх, барин!» Но надо знать, как это было сказано! Мне было бы легче, ежели бы он меня, как зайца, повесил на седло».

Десятилетний мальчик, участвуя в загоне, упустил зайца... И какие эмоции!

Сергей Аксаков в повести «Детские годы Багрова-внука» описывает первую в жизни рыбалку мальчика:

«Евсейч приготовил мне самое легонькое удилище и навязал тонкую лесу с маленьким крючком; он насадил крошечный кусочек мятого хлеба, закинул удочку и дал мне удилище в правую руку, а за левую крепко держал меня отец. В ту же минуту наплавок привстал и погрузился в воду, Евсейч закричал: "Тащи, тащи..." – и я с большим трудом вытащил порядочную плотичку. Я весь дрожал, как в лихорадке, и совершенно не помнил себя от радости. Я схватил свою добычу обеими руками и побежал показать её матери; Евсейч провожал меня. Мать не хотела верить, чтоб я мог сам поймать рыбу, но, задыхаясь и заикаясь от горячности, я уверял её, ссылаясь на Евсейча...».

Владимира Неунывахина на первую рыбалку в детстве привёл отчим. Эмоции были аналогичны изображенному у Аксакова.

Традиция получила такое естественное продолжение, каким бывает течение реки...

Михаил Пришвин в рассказе «Охота за счастьем» назвал охоту инстинктом дикаря в цивилизованном человеке:

«Охотники, заражённые этой страстью так, что она держит их до самой смерти, бывают только из особенных людей, ими надо родиться и непременно быть посвященными этому занятию в детстве».

Размышления Пришвина можно считать комментарием к произведениям о детстве и об охоте Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова.

По признанию Михаила Пришвина, писателем его сделала охота. Пока он писал, подражая кому-то, прозу отклоняли. Об успехах книги «В краю непуганных птиц» он пишет: «...Я понял причину своих первых неудач в литературе. Они были потому, что я не мог быть самим собой. Теперь я понял себя, что по природе я не литератор, а живописец, ведь я мало смею выдумать, я работаю по натуре...».

Выходит, что и наш современник В.М. Неунывахин подхватил крепко налаженную традицию русской литературы.

...Прозаик Неунывахин в третьем томе представил рассказы о пенитенциарных учреждениях, о местах, говоря по-народному, где Макары телят не пас.

Изобразил сии учреждения с двух сторон – с точки зрения тех, кто эзков охраняет, кормит, перевоспитывает, а также через взгляд «воспитанников», эзков.

Первая глава книги так и называется – «О соратниках, друзьях-товарищах».

Вторая, соответственно – «Места, не столь...».

Владимиру Максимовичу выпало по жребию судьбы служить срочную во внутренних войсках – в Южжубаслаге; затем работать в этой же системе на Севере, в Североонежском управлении лесных ИТУ – ещё до перестройки, в советское время.

И тогда жулья хватало, но масштаб этой сферы был не сравнимо скромнее; это потом он вырос скачком после «прихватизации» и грабильки.

Возможно, поэтому в рассказах Неунывахина на эту тему – зоркая наблюдательность в сочетании со спокойной интонацией, нет истеричности, как у персонажей романа Сергея Минина. Типология рассказов та же, что в двух первых томах: одни похожи на очерки, другие с острым сюжетом детективы. Первый тип – «Я – Куровский» второй – «Покушение».

Персонажи одеты в чёрные бушлаты или в солдатский камуфляж, но это всё – народ. Большое разнообразие характеров и непредсказуемых ситуаций, когда сталкиваются в

противоборстве мужество офицеров и отчаянная жестокость отморожков-эзков...

Так уже бывало, что солдаты, отслужив срочную во внутренних войсках, приходили в литератору с первой книгой. Так начинал Сергей Довлатов после службы на Севере; позднее он уехал в США и махнул рукой на свой первоначальный опыт. Московский прозаик Олег Павлов на срочной службе познакомился с Карламом (Караганда) и, вернувшись в Москву, напечатал интересную «Степную книгу». Я писала рецензию в «Литературную Россию» и запомнила книгу. Павлова стал печатать «Новый мир», он получил известность, но столичная литература развернула его на другие проблемы...

Неунывахина сложная тема надолго взяла в оборот из-за обилия впечатлений.

Наверное, большой запас жизненного материала повлиял и на выбор короткого жанра, хотя некоторые рассказы по сюжету могли бы развернуться в комедию («Самопожертвование» замполита) или в трагедию («Мразь! Такого человека загубил!»).

Рассказ «Земля» так и напрашивается на превращение в психологическую повесть о

дружбе земляков – солдата и ээка, которая из-за случайного промаха заключённого закончилась самоубийством солдата. Какая-то тонкая душевная нота звенит в повествовании, доказывая, что те и другие обитатели лагеря – всё тот же народ...

P.S. Обнищание народа после незадавшихся реформ стало уже притчей во языцех. Обвал экономики увеличил и контингент в «местах, не столь отдалённых».

Европа, которая не поддержала Россию с реформами, может быть, теперь поможет (от противного!) санкциями. Русские, чувствуя давление, всегда сплываются. Сейчас это очень важно.

Народные книги Владимира Неунывахина этому содействуют, пробуждают созидательный дух.

Руслана Ляшева.

(г. Москва.. 2015 год.)

